

Д. Шеваров

ДУША ЗВЕНИТ

В нынешнем мае поэту Александру Башлачеву исполнилось бы 45 лет...

Тут дело простое — нет тех, кто не стоит,
Нет тех,
кто не стоит любви.

СашаБаш

В нашем университете, на первом этаже, у гардероба, висел потемневший от времени деревянный ящик с открытыми отделениями для корреспонденции — по алфавиту. Большинство ребят в то время приезжали учиться в Свердловск издалека, и близкие писали им на простой адрес университета: Ленина, 51. Не всех баловали письмами с родины, но добрые ангелы посылали утешение и тем, кто заглядывал в ящик без особой надежды.

«Здравствуйте, сударыня! Я думаю, Вас не удивит получение сего письма, если Вы, впрочем, не забыли нашего недавнего уговора. Признаюсь, Ваше предложение показалось мне несколько странным, но, уверяю Вас, только поначалу. Ведь цель и вправду весьма значительна, если учесть, что наши отделения для корреспонденции в университете имеют завидное по своему постоянству обыкновение оставаться для нас пустыми...»

Сейчас, если мне не изменяет память, Вы находитесь во временном отъезде, но как только колеса Вашей изящной кареты остановятся на брусчатке перед университетской колоннадой, как только Вы взбежите по ступеням, войдете в залу — обратитесь к ящичку и достаньте оттуда мое письмо, прошу Вас, не медлите, а самым безотлагательным образом возьмитесь за перо...».

Эти изысканные строки принадлежат Саше Башлачеву. Его сейчас вспоминают в газетах как «рокера по тусовке и хиппи по образу жизни». И как тут поверить, что учтивые письма, обращенные к неизвестной, — это тоже Башлачев, а не поэт пушкинского круга.

Но, как пишет Саша в этих письмах, «возлюби многоточие», не суди о людях по одной бросающейся в глаза детали. Человек так глубок, что нет стиля, который мог бы выразить его нараспашку. Рок, рэп, рококо, панк и классицизм — это же только фантики...

Шашины письма, датированные 1979 годом, я читал в Интернете и отчего-то сразу (будто мне кто фотокарточку вынул и показал) увидел: вот осень, мы на картошке под дождем, пуды грязи на сапогах, и вид у всех потешный. Сашу вижу с горлом, замотанным длинным шарфом. То ли горло сорвал, то ли простудился. Он — лучший отрядный художник всех времен и народов. В колхозной столовке нас встречают лозунги, на-

рисованные в фирменном башлачевском стиле: «В борозду!», «Грузчики — не элита, а гвардия», «Привет делегатам съезда колхозников!», «Спасибо нашему декану!»...

Последний лозунг — строчка из «колхозной» песни:

Сюда послать
мог только пьяный.
Спасибо нашему декану!

Что касается изысканности... Кажется, больше никогда в жизни мы не были столь галантны и предупредительны. Девчонки выбирали картошку из липкого чернозема под звон щитов и шпор, а вечером наступало время серенад.

«Здравствуй! Мне казалось, что ты приедешь в карете, а ты трогала холодные ступени босыми ногами... Крахмальный воротничок больно врезается мне в шею... Но участь графа, согласишься, не самая худшая в этом мире, и поэтому я граф. Да, забыл предварить свое послание важным, на мой взгляд, советом: никогда не делай категорических выводов, возлюби многоточие. Хотя, впрочем, все мы считаем, что прекрасно разбираемся в людях — тем они, скорые выводы, возведение случайной, возможно, детали в некий ранг, и опасны...».

В Интернете Сашина переписка с незнакомкой предваряется кратким комментарием: «Когда Саша Башлачев учился на втором курсе, он договорился с одной девочкой сочинять роман в письмах — просто так, о чем попало...»

А получилось — о самом главном.

«...Одним из величайших мучений (не единственным, впрочем), что я вынужден выносить в этом мире, есть постоянная, хроническая ностальгия по чуду... Есть ли во мне хоть капля лжи? Уверю тебя, того, что называется ложью, в моих письмах нет. У меня в одной из задних комнат есть большой, громоздкий шкаф, и я иногда, без сожаления расставшись с сюртуком, цилиндром и штиблетами, сняв со стены гобелен и завернувшись в него, ухожу через скрипучие двери гулкой фанерной пустоты — выхожу в исчезнувший город, на ощупь прокладываю себе дорогу, стараясь не наткнуться на невидимые фонари и деревья, и наконец выхожу к горизонту... Вот он, мой мир! Мир грустный и веселый... Сейчас в нем почему-то вприпрыжку бежит ко мне веселый майский дождик, шлепает по тяжелой и мягкой траве...».

Здесь еще не чувствуется того жара, которым скоро задышат его песни. Но шрифт уже накаляется. Испытав в этих письмах словарь XIX века, Саша быстро отталкивается от него, чтобы плыть дальше, дальше — к глубинам и стремнинам русской истории и русского слова. В уютные гавани он больше заходить не будет, словно догадываясь, что времени у него в обрез.

За два года до гибели он скажет в интервью: «Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, я стараюсь не предать любовь. Это самая страшная потеря — потеря любви... Я это только обретаю. Я жил всю жизнь больным человеком, темным, слепым, глухим. Я очень много не понимал... Это трагедия — не услышать вовремя душу. У тебя — душа, любовь над тобой... Все мои песни, поступки направлены на то, чтобы удерживать свет, и они с каждым днем должны быть все сильнее, чтобы его удерживать. Тут не проедешь налегке с пустым разговором. Я не верю тем людям, кто не страдал...»

Саша погиб в феврале 1988-го. Столько лет уже минуло. Вытянулась и ушла кроной в небо березка у его могилы на Ковалевском кладбище под Петербургом. Звенящая березка. На ней много лет оставляют свои колокольчики те, кто приходит к Саше.

Его стихи стали классикой и вошли в хрестоматии, на его родном доме в Череповце открыли мемориальную доску, его творчеству посвящают научные конференции. Но сам его путь — непостижим. Особенно с нынешней рыночной точки зрения. Кому охота продираться к истине, обдирая пальцы в кровь, и мучиться в неизвестности, когда есть «фабрики звезд»?

Когда-то писали, что Башлачев — вызов советскому прошлому. А он оказался вызовом будущему, которое тогда мало кто угадывал. Вызовом толпе расслабленных и ненасытных потребителей.

— Да что там у тебя звенит?
И я сказал:
— Душа звенит.
Обычная душа.
— Ну ты даешь... Ну ты даешь!
Чем ей звенеть?
Ну ты даешь —
Ведь там одна утроба.

При жизни у Саши не вышло ни одной пластинки, ни одной публикации стихов. Теперь столичные музыкальные авторитеты называют его великим и гениальным, с пафосом пишут: «Снова нет для нас поэта более важного, чем Саша Башлачев».

Но они молчат о том, что сегодня Саше и записаться бы негде было. У бедных поэтов из провинции нет теперь друзей на Николиной горе.

Молчат и о том, что его песни не взялась бы сейчас передавать ни одна из модных радиостанций — не тот «формат». Зачем нужны сложные раздумья о вечном тем, кто обращается не к душе, а к утробе? Разве может поклонник пивной попсы вынести семиминутную философскую притчу «Петербургская свадьба» или балладу «Ванюша», время звучания которой — тринадцать минут? Вслушаться в порывистый башлачевский голос — слыш-

ком серьезная работа для души. Вдуматься в башлачевские строки — опасный для «успешного» человека шаг к состраданию.

Саша любил свой народ «черненьким», в язвах и струпьях. Он плакал от боли вместе с ним. Он говорил: «Ты должен дать понять людям, плохим людям, что они тоже хорошие, только еще не знают об этом». Его срывающийся голос вернул потухшему слову «любовь» первохристианскую пламенность и жертвенность. А это сейчас тоже — не «формат».

Как быстро, за две-три пятилетки, деньги причесали самых ершистых. Протест стал лишь приметой жанра. И вот одни «дедушки русского рока» уже ходят на огонек в администрацию президента, а другие готовы хоть сейчас на московский майдан. Политики и тусовщики, пиарщики и шоумены — они сплелись в такой клубок, что не разберешь, где чьи уши торчат, кто и откуда всем этим балаганом дирижирует. Ну, да пусть катятся...

Вы все между ложкой
и ложью,
А мы все между волком
и вошью.

Башлачев перестал быть близок своим ровесникам, оставшимся жить дальше. Многие из нас давно теплохладны, а теплохладные любят комфорт и глянец.

Но Саше — всегда 27, и он с другим поколением. С теми русскими мальчиками, для кого звонница — не поэтический образ, но дом родной, а колокола и колокольчики — любимые братья. Один из них пишет о любимом поэте: «Башлачев — это Достоевский в поэзии. Его творчество не просто религиозно, а религиозно по-русски. Это — жажда Бога. Сашины песни стали черными сухарями, которые во время жажды Слова Божия многим не дали умереть с голода...»

Вот эти ребята и придумают имя для Сашиной реки.

«...Эти дни я потратил на постройку плота. Широкоствольные дубы удивительно легко превращались в бревна, а гибкая лоза крепко переплела их — готов мой плот, широкий и верный! Я плыву вниз по реке, у которой еще нет имени. Мои длинные волосы спутаны ветром...».

Деловой вторник. 2005. 31 мая.